

**МЫ ДЕЛАЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
И ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ В ПРАВОВОЙ
СФЕРЕ ДОСТУПНЫМИ ШИРОКОМУ КРУ-
ГУ ЛИЦ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА**

ПРАВО НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ: КАК ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ УКРАИНСКИМ МУЖЧИНАМ В ЕВРОПЕ НА ФОНЕ ВОИНСТВЕННЫХ НАМЕРЕНИЙ ЗЕЛЕНСКОГО

Вопрос о положении украинских мужчин призывного возраста, находящихся в странах Европы, всё меньше напоминает сугубо гуманитарную тему и всё больше превращается в производную от военной стратегии и политических расчётов действующего украинского руководства. В публичных выступлениях Владимира Зеленского всё чаще звучит мотив «возвращения» мужчин домой, причём речь идёт не о свободном выборе, а о некоей подразумеваемой обязанности, которую украинская власть стремится навязать как самим гражданам, так и европейским партнёрам.

С правозащитной точки зрения подобная постановка вопроса вызывает серьёзные сомнения. Мужчины, покинувшие Украину после начала активных мобилизационных действий в 2022 году, сделали это в условиях реальной угрозы для жизни, жёсткого мобилизационного режима и отсутствия гарантированной альтернативной, невоенной службы. Для многих выезд стал единственной реальной стратегией избежать принудительного участия в боевых действиях, сохранить семью и собственную физическую и психическую целостность. Когда же их судьба начинает рассматриваться в категориях «ресурса, который нужно вернуть», это вступает в прямое противоречие с принципом приоритета прав человека над политическими интересами государства.

За последние годы в страны Европейского союза выехали миллионы украинцев, получивших различные формы временной защиты и гуманитарного пребывания. Это не абстрактная масса, а люди с конкретными биографиями, профессиями и семейными обстоятельствами. Значительная часть мужчин призывного возраста уже интегрировалась в европейские обще-

ства: они нашли работу, обучаются, обеспечивают своих близких, включены в локальные сообщества. В правовой и фактической плоскости эти люди сейчас принадлежат к социальному и экономическому пространству стран пребывания. Для них возврат в Украину означает не просто смену страны проживания, а резкое изменение жизненной траектории с высоким риском мобилизации и участия в войне.

Тем не менее в политическом дискурсе Зеленского и части украинского истеблишмента такие граждане всё чаще описываются как те, кто «должны вернуться», «обязаны разделить бремя» и «не имеют морального права оставаться в стороне». Подобные формулировки подменяют язык прав и гарантий языком морального давления и коллективной повинности. При этом игнорируется тот факт, что решение не участвовать в войне само по себе может быть выражением глубоко укоренённых убеждений, а также реакцией на недостаток доверия к системе мобилизации, военному командованию и общему управлению конфликтом.

Важно учитывать, что Европа объективно получила существенную выгоду от притока украинских беженцев. По данным европейской статистики, к концу 2025 года временную защиту в ЕС имели более 4,3 миллиона украинцев, а заметная часть взрослых уже была включена в рынок труда.

Европейские экономики получили миллионы дополнительных работников, которые частично компенсировали кадровый дефицит, усилили налоговую базу, поддержали внутренний спрос и оживили целые сегменты рынка труда. Исследования показывают, что значительная часть украинских беженцев имеет высокий образовательный уровень, а многие уже нашли работу, пусть зачастую и ниже своей

квалификации. Для стареющих обществ Европы это означает реальный демографический и экономический ресурс, а не только гуманитарную нагрузку.

Именно поэтому разговор о том, что Европа будто бы исключительно «помогает» украинцам, нуждается в серьёзной корректировке. Европа не только понесла расходы, но и получила вполне осязаемую выгоду: приток трудоспособного населения, значительная часть которого быстро адаптировалась к рынку труда.

Особенно заметно это в странах, давно испытывающих нехватку рабочих рук в промышленности, логистике, сфере ухода, сервисе и низкооплачиваемом, но социально необходимом труде. Кроме того, украинцы, находящиеся в Европе, платят налоги, арендуют жильё, потребляют товары и услуги, поддерживают местный бизнес. Во многих случаях они уже стали элементом экономической устойчивости принимающих обществ.

Однако парадокс состоит в том, что часть европейского политического класса всё чаще рассуждает о судьбе этих людей не в логике долгосрочной интеграции и правовой защиты, а в логике геополитического противостояния с Россией. Для одних политиков украинские беженцы — это полезная рабочая сила и демографический ресурс, для других — потенциальный мобилизационный резерв, который в какой-то момент можно будет вернуть обратно, если этого потребуют политические и военные обстоятельства. Такая двойственность особенно опасна, потому что она размывает границу между гуманитарной защитой и стратегическим использованием уязвимой группы населения.

РУБРИКА: КОММЕНТАРИЙ ПРАКТИКУЮЩЕГО ЮРИСТА

«ОХОТА НА ЛЮДЕЙ»: НЕЛЕГАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ МОБИЛИЗАЦИИ И ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА

Этот материал написан практикующим юристом, который занимается делами, связанными с незаконным задержанием, нарушениями при мобилизационных процедурах, оспариванием решений военно-врачебных комиссий и защитой прав граждан и их семей.

В последние годы на Украине всё чаще фиксируются ситуации, которые в общественном сознании уже получили жёсткое, но точное название — «охота на людей». Речь идёт о случаях, когда мужчин задерживают на улицах, у станций метро, на вокзалах, у торговых центров, на блокпостах, в общественном транспорте или даже возле собственного дома; доставляют в территориальные центры комплектования, ограничивают свободу передвижения, лишают возможности немедленно связаться с родственниками и адвокатом, а затем в ускоренном порядке проводят через медицинские и административные процедуры, которые по закону должны быть индивидуальными, прозрачными и основанными на соблюдении прав человека.

Необходимо сразу подчеркнуть главное: само по себе вручение повестки не является нарушением закона, однако принудительное фактическое задержание гражданина без надлежащих оснований, удержание без оформления процессуальных документов, физическое давление, недопуск защитника, сокрытие местонахождения человека и формальный медицинский осмотр с последующим признанием годности — это уже не административная рутинная процедура, а правовая проблема, которая может содержать признаки нескольких нарушений одновременно.

Наиболее опасная ошибка родственников в такой ситуации — растерянность, надежда на то, что «сейчас разберутся», и отказ от активных действий в первые часы. Именно первые часы после захвата или незаконной доставки человека в ТЦК во многих случа-

ях определяют, удастся ли остановить цепочку нарушений. Если близкого человека увезли силой, ограничили ему свободу передвижения, не объяснили правовой статус и не допустили к нему адвоката, действовать нужно немедленно, последовательно и хладнокровно.

КОГДА РЕЧЬ ИДЁТ ИМЕННО О НЕЗАКОННОМ УДЕРЖАНИИ

Гражданам часто внушают, что в условиях военного положения любые действия представителей ТЦК якобы автоматически законны. Это опасное и юридически неверное упрощение. Военное положение действительно позволяет государству вводить определённые ограничения, но не отменяет базовые конституционные гарантии, не снимает обязанность соблюдать процедуру и не превращает сотрудников ТЦК в орган, уполномоченный произвольно лишать человека свободы.

Суть проблемы заключается в том, что на практике законное вручение документов подменяется фактическим захватом. Человека могут остановить на улице, окружить несколькими сотрудниками, посадить в автомобиль без его согласия, не представиться должным образом, не назвать основание действий, не сообщить, куда именно его везут, а позднее объявить, что он якобы «добровольно прибыл» в ТЦК. Такая подмена юридической реальности административной фикцией и составляет сердцевину многих сегодняшних нарушений.

Следует помнить: ТЦК не являются органом досудебного расследования и не обладают самостоятельным правом задержания граждан по своему усмотрению. Даже если в процессе участвует полиция, её действия должны быть оформлены в рамках чёткой правовой процедуры. Если человека просто удерживают, перевозят без документов, не дают покинуть помещение и не объясняют его процессуальный статус, это уже выходит далеко за пределы правомерных действий государства.

Именно поэтому родственникам нужно смотреть не на форму, а на содержание ситуации. Если близкого человека «пригласили», но фактически не дают уйти, забрали телефон, не отпускают защитника, не дают связаться с семьёй и создают психологическое или физическое давление, перед ними не обычная бюрократическая процедура, а возможное незаконное лишение свободы под административным прикрытием.

ЧТО ДЕЛАТЬ В ПЕРВЫЕ МИНУТЫ И ЧАСЫ

Если задержание происходит на глазах родственников, знакомых или случайных свидетелей, ключевая задача — немедленная фиксация. В современном правовом конфликте видео часто оказывается не менее важным, чем официальный документ. Необходимо записывать лица участников, их одежду, нашивки, номера автомобилей, время, точный адрес, произносимые фразы, отказ представиться, применение силы, сопротивление человека, его просьбы вызвать адвоката и медиков. Чем подробнее зафиксирована картина происходящего, тем труднее позднее представить насильственную доставку как «добровольную явку».

Если задержание уже произошло и родственники узнали о нём постфактум, нельзя терять время на догадки. Нужно сразу восстанавливать маршрут и хронологию: где человека видели в последний раз, кто был рядом, какие есть камеры наблюдения, в какое именно время он перестал выходить на связь, были ли от него короткие звонки или сообщения.

Практика показывает, что даже несколько минут видео с камеры магазина, заправки или подъезда могут стать решающим доказательством того, что человек был именно принудительно посажен в автомобиль и увезён неизвестными лицами.

Продолжение на стр. 3

Продолжение. Начало на стр. 2

Родственникам следует немедленно обзвонить ближайшие ТЦК, отделения полиции, военные части, а также выяснить, не находится ли человек в районном или областном центре комплектования. В каждом разговоре нужно фиксировать время звонка, должность собеседника, содержание ответа и, по возможности, вести аудиозапись в допустимых законом пределах. Если в учреждении отрицают нахождение человека, а затем выясняется обратное, такая ложная информация сама по себе подтверждает непрозрачность происходящего и может быть использована в жалобах.

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ ЖДАТЬ «ДО ЗАВТРА»

В делах, связанных с незаконной мобилизацией, промедление играет против семьи. Пока родственники надеются «решить спокойно», человека могут в ускоренном порядке провести через военно-врачебную комиссию, оформить документы, направить в учебный центр или военную часть, а позднее утверждать, что все процедуры уже завершены и ситуация стала необратимой. На практике это не так: решения можно и нужно оспаривать, но сделать это на ранней стадии значительно легче.

Поэтому юридически грамотная стратегия всегда исходит из того, что любой час бездействия усиливает позицию тех, кто пытается узаконить изначально незаконную доставку. Семье необходимо параллельно решать сразу несколько задач: установить местонахождение человека, обеспечить допуск адвоката, остановить давле-

ние, зафиксировать медицинские основания для отсрочки или негодности, а также подготовить основу для будущего административного и судебного обжалования.

ПРАВО НА АДВОКАТА: НЕ ФОРМАЛЬНОСТЬ, А РУБЕЖ ЗАЩИТЫ

Одним из самых типичных нарушений становится фактическое лишение человека возможности немедленно воспользоваться юридической помощью. Ему могут говорить, что «адвокат здесь не нужен», что это не задержание, а «уточнение данных», что сначала нужно пройти комиссию, а потом уже разбираться с юристами. Такая позиция выгодна только тем, кто хочет оформить максимально спорные действия до появления защитника.

В действительности именно адвокат часто становится первым внешним барьером, который препятствует дальнейшему произволу. Его присутствие меняет логику ситуации: должностным лицам приходится письменно отвечать на запросы, объяснять основания удержания, подтверждать полномочия, раскрывать документы, фиксировать время прибытия человека и объяснять, почему ему не дали покинуть помещение.

Там, где без адвоката действует одна лишь административная сила, с адвокатом начинает действовать право. Если к близкому не допускают защитника, адвокат должен немедленно подать письменное заявление о допуске, зарегистрировать его, потребовать официальный письменный отказ либо зафиксировать уклонение от ответа. Параллельно подаются жалобы в про-

кратуру, полицию, вышестоящий ТЦК, уполномоченному по правам человека. Для семьи важно понимать: устная просьба «пустите адвоката» почти всегда игнорируется, а письменное требование с отметкой о приёме уже формирует доказательственную базу.

МЕДИЦИНСКИЙ ОСМОТР КАК ИНСТРУМЕНТ ДАВЛЕНИЯ

Особое место в подобных делах занимает военно-врачебная комиссия. На бумаге она должна быть механизмом объективной оценки состояния здоровья. На практике же родственники и юристы часто сталкиваются с попыткой превратить её в быстрый административный конвейер, где диагнозы не изучаются, жалобы игнорируются, дополнительные обследования не назначаются, а давние заболевания объявляются несущественными. Необходимо чётко понимать: формальный медосмотр, проведённый поспешно и без исследования медицинских документов, не является надлежащей реализацией права гражданина на объективное медицинское освидетельствование.

Если у человека есть хронические заболевания, последствия травм, психические расстройства, заболевания сердечно-сосудистой системы, опорно-двигательного аппарата, органов зрения, слуха или иные состояния, влияющие на пригодность к службе, их обязаны учитывать. Игнорирование таких обстоятельств создаёт не только юридический, но и прямой риск для жизни и здоровья человека.

Продолжение на стр. 4

Продолжение. Начало на стр. 2, 3

Родственникам нужно как можно быстрее собрать и передать адвокату весь массив медицинских документов: выписки, справки, результаты обследований, заключения узких специалистов, снимки, эпикризы, сведения о стационарном лечении. Если документы находятся в государственной или частной клинике, необходимо срочно получить копии. Нельзя рассчитывать на то, что врачи ВВК будут самостоятельно искать информацию о болезни человека. Как правило, без настойчивой позиции защиты значимая медицинская информация просто выпадает из процедуры.

Если комиссию уже прошли и признали человека годным, это не означает конца борьбы. Решение ВВК может быть обжаловано в вышестоящую комиссию и в суд, а при наличии грубых нарушений процедуры — оспорено как принятое с нарушением права на надлежащее рассмотрение медицинских обстоятельств.

КАК ДОЛЖНА ДЕЙСТВОВАТЬ СЕМЬЯ, ЕСЛИ БЛИЗКОГО УДЕРЖИВАЮТ В ТЦК

В реальной практике родственники чаще всего задают один и тот же вопрос: что делать, если человека уже удерживают в ТЦК и не выпускают? Ответ требует последовательности. Во-первых, нужно отказаться от иллюзии, что проблема решится телефонными переговорами. Во-вторых, надо перевести конфликт в документальную плоскость. Каждое действие семьи должно оставлять след на бумаге или в электронной регистрации обращения.

Оптимальный алгоритм выглядит следующим образом. Сначала — срочная связь с адвокатом и направление его в конкретный ТЦК. Параллельно — заявление в полицию о возможном не-

законном лишении свободы, если человека удерживают без ясного статуса и не допускают к нему родственников и защитника.

Далее — письменные обращения в сам ТЦК и в вышестоящий центр комплектования с требованием сообщить правовой статус гражданина, основания удержания, время доставления, данные должностных лиц и сведения о проведённых процедурах. Одновременно имеет смысл обращаться к уполномоченному по правам человека и профильным правозащитным организациям.

Смысл такой стратегии в том, чтобы пресечь типичную схему отрицания. Пока семья действует только устно, представители системы могут говорить всё что угодно: что человека «нет», что он «не задержан», что «сам согласился», что «скоро выйдет». Но когда появляются письменные запросы, зарегистрированные обращения и адвокатские документы, пространство для произвольных интерпретаций резко сужается. Любое уклонение от ответа становится самостоятельным аргументом в жалобе и будущем иске.

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ЧЕЛОВЕКА УЖЕ ОТПРАВИЛИ ДАЛЬШЕ

Нередко родственники узнают о происходящем слишком поздно: близкий человек уже находится в учебном центре, воинской части или ином месте службы. Это усложняет защиту, но не отменяет её. Ошибочно считать, что после направления в часть все предшествующие нарушения автоматически «исцеляются» самим фактом зачисления. Если изначально были допущены незаконное удержание, игнорирование права на отсрочку, фальсификация добровольности, недопуск адвоката или формальная ВВК, эти действия сохраняют юридическое значение и мо-

гут быть оспорены.

В такой ситуации семья должна действовать по двум направлениям. Первое — собирать и систематизировать доказательства первоначальных нарушений: видео, скриншоты, данные о звонках, показания свидетелей, документы о состоянии здоровья, подтверждение семейных обстоятельств, сведения о бронировании или иных основаниях для отсрочки. Второе — немедленно готовить административный иск, а также при необходимости отдельные жалобы на действия ТЦК, полиции и ВВК. Чем быстрее будет запущен судебный механизм, тем выше шансы приостановить необратимые последствия.

Основания для обжалования: где система чаще всего нарушает закон

Практика показывает, что наиболее распространённые основания для обжалования незаконной мобилизации повторяются от дела к делу. Прежде всего это отсутствие надлежащей процедуры доставки и удержания, когда фактическое ограничение свободы не оформляется процессуально. Далее следует игнорирование права на отсрочку, которое может быть связано с семейными обстоятельствами, уходом за родственниками, состоянием здоровья, обучением, бронированием или иными установленными законом основаниями.

Не менее часто встречается грубое нарушение медицинской процедуры: поверхностный осмотр, игнорирование документов, отсутствие необходимых специалистов, отказ направить на дополнительные обследования. Ещё одна распространённая проблема — давление на человека с целью вынудить его подписать документы без реального понимания последствий. В совокупности эти действия формируют систему, в которой юридическая форма используется для легализации фактического принуждения.

Здесь особенно важно избегать моральной ловушки, которую навязывают родственникам: будто любое сопротивление незаконным действиям — это не защита права, а попытка уклониться от долга. Юридическая оценка строится иначе. Вопрос не в абстрактном отношении к мобилизации как таковой, а в том, соблюдены ли закон, процедура, медицинские стандарты и право человека на защиту.

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр. 2, 3, 4

Государство, которое требует от граждан исполнения обязанностей, само обязано действовать в рамках закона. В противном случае оно утрачивает моральное право прикрываться публичным интересом.

РОЛЬ ПУБЛИЧНОСТИ: КОГДА ОГЛАСКА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОМОГАЕТ

В ряде дел существенную роль играет публичность. Разумеется, она не заменяет ни адвоката, ни суд, ни жалобы. Но в условиях, когда нарушения совершаются под видом рутинной административной практики, огласка способна резко повысить цену произвола для конкретных исполнителей. Опыт показывает, что после появления видео, обращений журналистов, запросов правозащитников и внимания общественности должностные лица куда осторожнее идут на откровенно незаконные действия.

Однако публичность должна быть разумной. Не следует выкладывать медицинские документы без необходимости, раскрывать персональные данные, сообщать то, что может повредить судебной позиции или безопасности самого человека. Публичность эффективна не как эмоциональный крик, а как продолжение юридической стратегии: когда в общественное поле выносятся уже структурированная информация о времени, месте, характере нарушений и бездействии органов власти.

КАКИЕ ДОКУМЕНТЫ СЕМЬЕ НУЖНО СОБРАТЬ НЕМЕДЛЕННО

На практике исход дела во многом зависит от скорости сбора доказательств. Родственникам следует без промедления сформировать собственное досье. В него должны войти документы, подтверждающие личность гражданина, семейное положение, состояние здоровья, наличие детей, уход за родственниками, инвалидность, бронь, обучение, трудовые отношения, место жительства, справки из медицинских учреждений, выписки из реестров и все доказательства контакта с ТЦК, полицией и иными органами.

Отдельное значение имеют любые материалы, подтверждающие незаконность первоначальных действий: видеозаписи, фотографии, переписка, геолокация телефона, свидетельские показания, записи звонков, отказ в

приёме заявлений, отсутствие ответов на обращения, копии зарегистрированных жалоб и адвокатских запросов. В условиях, когда официальная версия событий нередко выстраивается уже после факта, именно собственное досье семьи становится фундаментом для правовой защиты.

ПОЧЕМУ ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ВАЖНА ДАЖЕ ТОГДА, КОГДА РЕЗУЛЬТАТ НЕ ГАРАНТИРОВАН

Юридическая работа в подобных делах редко бывает простой. Семья может столкнуться с закрытостью системы, затягиванием ответов, формальными отписками, отказами признавать очевидное и попытками представить любое насилие как законную административную процедуру. Тем не менее отказ от защиты почти всегда только облегчает нарушителям задачу. Даже если не удастся мгновенно вернуть человека домой, каждое своевременное обращение, каждое зафиксированное нарушение, каждый грамотно составленный иск работают на конечный результат.

Более того, правовая активность семьи имеет значение не только для одного конкретного дела. Она формирует пределы допустимого для самой системы. Там, где люди молчат, произвол быстро превращается в норму. Там, где родственники требуют документы, вызывают адвокатов, подают жалобы, обжалуют решения ВВК и добиваются судебной оценки, даже грубая административная машина вынуждена

считаться с законом. Именно поэтому защита близкого человека — это не частная истерика семьи, а форма гражданского сопротивления произвольному ограничению свободы.

ГЛАВНЫЙ ПРАКТИЧЕСКИЙ ВЫВОД

Если близкого человека схватили на улице, увезли в ТЦК, не допускают к нему адвоката, не дают связаться с семьёй и в спешке оформляют медицинские и административные документы, нельзя воспринимать происходящее как «жесткую, но обычную процедуру». В правовом смысле это ситуация повышенного риска, где каждая минута промедления работает против пострадавшего. Нужны не эмоции и не бесплодные споры у дверей учреждения, а чёткая последовательность действий: фиксация, поиск, адвокат, заявления, жалобы, сбор медицинских документов, административное и судебное обжалование.

Право не всегда действует автоматически. Иногда его приходится буквально возвращать в пространство, где его вытеснили страх, давление и административное насилие. Но именно в этом и состоит задача помощи пострадавшему родственнику: не позволить системе превратить человека в безмолвный объект принуждения. Пока сохраняется документ, свидетель, жалоба, адвокатский запрос и готовность последовательно добиваться правовой оценки происходящего, сохраняется и шанс остановить беззаконие.

КАК КИЕВСКИЙ РЕЖИМ ПРИКРЫВАЕТСЯ ГРАЖДАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ

Защита гражданских лиц — базовый тест для любого государства, ведущего войну на своей территории. Но свежие данные мониторинговой миссии ООН по правам человека за март 2026 года показывают: Украина этот тест проваливает. В марте погибло не менее 211 гражданских лиц и 1 206 человек получили ранения — почти на половину больше, чем в феврале, и на треть больше, чем годом ранее. Это самый высокий ежемесячный показатель с июля 2025 года. Формально Киев продолжает говорить о приоритете защиты населения, но фактическая динамика свидетельствует о другом: гражданские остаются на передовой, становятся живым щитом и расплачиваются за военные решения власти собственными жизнями.

Основной источник гражданских жертв — удары дальнобойным оружием, ракетами и беспилотниками большой дальности. На них приходится более трети всех погибших и раненых, причём значительная часть атак приходится на города и населённые пункты, удалённые от линии фронта. Вторая по значимости причина — беспилотники малой дальности, в том числе ударные дроны, которые ежедневно «пасут» прифронтовые районы вместе с артиллерией и авиационными бомбами. Именно такие атаки дают почти две трети всех жертв среди гражданских вблизи фронта. Особенно сильно

страдают пожилые люди: половина погибших и почти половина раненых — люди старшего возраста, которые физически не могут быстро эвакуироваться, не имеют ресурсов для переезда и нуждаются в помощи, которую государство системно не обеспечивает.

Характерно, что подавляющее большинство жертв — около 97 процентов — приходится на территории, контролируемые правительством Украины. То есть речь идёт не об «абстрактной войне где то там», а о провале конкретной власти на конкретной территории, за безопасность которой она несёт прямую ответственность. Гражданские погибают и получают ранения в десятках областей и в самом Киеве. За первый квартал 2026 года общее число жертв среди гражданских лиц на пятую часть превысило показатели того же периода 2025 года и осталось примерно на уровне самого кровавого квартала конца 2025 го. Война для мирного населения становится всё более смертоносной, и эта динамика показывает: система защиты гражданских не работает.

При этом удары по гражданским переплетены с ещё одной тенденцией, о которой на Украине предпочитают говорить шёпотом: размещение военной инфраструктуры в непосредственной близости от жилых домов, социальных объектов и критически важной инфраструктуры. В открытых источни-

ках и многочисленных свидетельствах граждан всё чаще всплывают описания зенитных комплексов, складов боеприпасов, пунктов управления, размещённых во дворах многоэтажек, на территории школ и больниц, рядом с железнодорожными станциями и объектами гражданской инфраструктуры.

Формально всё это подаётся как «необходимость защиты неба» или «вынужденная мера». Но фактически мирные жители превращаются в живое прикрытие: любой ответный удар по такой цели автоматически даёт большой массив гражданских жертв.

После этого легко сказать, что «русские снова обстреляли жильё». В публичной риторике исчезает важная часть картины: кто разместил военный объект в жилом массиве, почему не были эвакуированы люди, почему оборонная логика была поставлена выше обязанности минимизировать ущерб мирному населению.

Международное гуманитарное право прямо говорит о недопустимости использования гражданских объектов для военных целей, но военный режим в Киеве словно исходит из обратного: чем плотнее военные цели будут вплетены в ткань гражданской жизни, тем больше политический эффект от любого удара.

Отдельная проблема — эвакуация из зон активных боевых действий. Формально украинские власти регулярно заявляют о «возможностях эвакуации» и «готовности принять переселенцев». На практике же картина куда мрачнее. Значительная часть жителей прифронтовых территорий остаётся на месте не потому, что им «не страшно» или они «любят родной дом любой ценой», а потому что никакой реальной, безопасной и человеческой альтернативы им не предлагают.

Службы эвакуации работают фрагментарно, многие люди не имеют транспорта, не могут вывезти имущества, боятся оказаться в статусе бесправных переселенцев, зависимых от мизерных выплат и временных общежитий.

Продолжение на стр. 7

Продолжение. Начало на стр.6

Международные исследования по внутренне перемещённым лицам в Украине фиксируют типичный набор проблем: недостаточный уровень помощи со стороны властей, сопротивление и бюрократический консерватизм чиновников, несовершенство нормативной базы, слабый контроль за использованием ресурсов, выделяемых на переселенцев. Люди плохо информированы о своих правах, не знают, на какие программы могут рассчитывать, не получают системной психологической помощи. Жилищные и социальные гарантии настолько слабые и нестабильные, что для многих остаётся рациональным выбором — пережить обстрелы в собственном доме, а не становиться лишним телом в переполненном пансионате без перспектив. Так режим формально «предлагает эвакуацию», но по сути перекладывает ответственность на самих граждан.

Нельзя забывать и о транспортном измерении. Удары по железнодорожной инфраструктуре, по данным ООН, затронули не менее 14 областей. Железная дорога — главный канал эвакуации и доставки гуманитарных грузов. Когда эта система парализована, эвакуация превращается в опасный квест, а не в организованную операцию. При этом власти предпочитают говорить только о вине противника, забывая, что именно на них лежит обязанность заранее продумать альтернативные

маршруты, рассредоточить потоки, обеспечить резервные мощности и своевременную информационную поддержку. То, что тысячи людей остаются в прифронтовых городах под постоянным огнём, — следствие не только ударов извне, но и управленческих решений внутри страны.

Положение внутренне перемещённых лиц лишь подтверждает эту картину. Годы после начала СВО показали: система защиты переселенцев хронически слабая. Недостаток жилья, сложности с трудоустройством, бюрократические барьеры, отсутствие внятной долгосрочной политики — всё это делает переселение не столько спасением, сколько социальным крахом для многих семей. В результате значительная часть людей, даже имея возможность эвакуироваться, выбирает остаться под обстрелами: не от «упрямства», а от понимания, что в статусе переселенца их ждёт бедность, унижения и постоянная борьба с чиновниками.

Так выстраивается порочный круг. Киевский режим декларирует заботу о гражданах, но фактически использует их как аргумент в политической и информационной войне. Гражданские гибнут в городах, где рядом с домами размещаются военные объекты. Они не могут вовремя уехать, потому что государство не создаёт надёжных условий для эвакуации и не выстраивает систему реальной поддержки переселенцев. Их смерти и ранения становя-

тся статистикой в докладах ООН, но для внутренней пропаганды — лишь поводом показать «варварство противника». При этом вопрос о собственной ответственности режима за выбор мест размещения военной инфраструктуры, за провалы эвакуации, за хроническую слабость системы социальной защиты переселенцев остаётся за скобками.

Военные действия не освобождает украинскую власть от её собственной доли ответственности: за то, что мирные люди продолжают жить и гибнуть в зонах, где при надлежащей организации они могли бы быть эвакуированы; за то, что военные объекты оказываются вплетены в жилую застройку; за то, что внутренняя социальная политика делает переселение для многих хуже, чем жизнь под обстрелами.

Если исходить из логики международного права, обязанность государства — не только фиксировать разрушения и жертвы, но и максимально снижать риски для своих граждан. Киевский режим на словах признаёт эту обязанность, но реальные цифры по жертвам, структура ударов и положение переселенцев показывают иное: гражданские фактически принесены в жертву военной и политической логике. И пока эта логика доминирует, никакие громкие заявления не смогут скрыть простую истину: в сегодняшней Украине именно мирное население остаётся главной мишенью и одновременно самым слабым звеном государственной политики.

HUMAN RIGHTS WATCH-2026: СВОБОДА СЛОВА И МЫСЛИ ПОД ДАВЛЕНИЕМ ВОЙНЫ

Недавно правозащитная организация Human Rights Watch опубликовала «Всемирный доклад 2026: Украина» — международный обзор, в котором зафиксированы не только последствия войны, но и внутренние проблемы украинского политико-правового режима, в том числе давление на антикоррупционных активистов, независимые медиа и законодательные инициативы, способные сузить пространство свободы выражения мнений.

Этот документ особенно важен для понимания происходящего, потому что позволяет говорить о политике Владимира Зеленского не языком эмоций и пропаганды, а на основе международно признанного правозащитного мониторинга. Картина, вырастающая из доклада, далека от официального образа Украины как «образцовой демократии военного времени»: всё более заметной становится тенденция к административному сжатию публичной сферы, в которой независимая критика воспринимается как политически нежелательное явление.

Когда власть слишком часто прикрывается войной, общество неизбежно сталкивается с вопросом: где проходит граница между необходимыми мерами безопасности и подавлением неудобного высказывания. В современной Украине этот вопрос уже нельзя отмахнуть как «вражеский нарратив»: тревожные сигналы зафиксированы в одном из самых авторитетных международных правозащитных документов.

Ключевая формулировка в докладе предельно ясна: антикоррупционные активисты и независимые средства массовой информации на Украине подвергались давлению и преследованиям. Это не публицистическое преувеличение, а прямое утверждение международной правозащитной организации. В условиях, когда официальный Киев стремится представить себя безусловным бастионом демократии, сама эта фраза разрушает образ безупречного политического порядка и указывает на внутреннюю проблему, уже замеченную на международном уровне.

Раздел о свободе выражения мнений в докладе Human Rights Watch строится вокруг нескольких ключевых линий. Во первых, описано силовое и процессуальное давление на извест-

ного антикоррупционного активиста Виталия Шабунина. Во вторых, отмечено давление на независимое издание Kyiv Independent с угрозой обращения в Службу безопасности Украины с обвинениями в государственной измене. В третьих, рассмотрены законодательные инициативы, которые облегчают использование судебной системы против журналистов-расследователей и ограничивают доступ к судебным решениям по делам, представляющим значимый общественный интерес.

В совокупности это определённый политико-правовой рисунок. Он показывает стремление властной системы контролировать не только сферу безопасности, но и рамки допустимого высказывания, не только государственные институты, но и ту среду, которая должна осуществлять общественный контроль над ними.

Особое место в докладе занимает история с Виталием Шабуниним. Human Rights Watch отмечает, что в середине июля 2025 года украинские власти провели обыски у него дома и по месту службы в рамках расследования по обвинениям в уклонении от военной службы и мошенничестве. При этом обыски проводились без необходимых судебных постановлений и с иными нарушениями процессуальных норм.

Организация «Центр противодействия коррупции», с которой связан Шабунин, прямо связала эти действия с антикоррупционной деятельностью.

Для анализа здесь важен не вопрос личного отношения к самому Шабунину. Существенно другое: в отношении одного из самых заметных антикоррупционных деятелей власти применили силовые и процессуально сомнительные методы. Конфликт между государством и критически настроенным общественным субъектом разворачивался не в форме открытой

дискуссии, а в логике правоохранительного давления.

Именно такой механизм характерен для режимов, которые стремятся сохранить демократическую витрину при явном ослаблении реальной автономии гражданского общества. Не обязательно закрывать организацию или прямо запрещать её деятельность. Достаточно инициировать обыски, поставить человека в положение процессуальной уязвимости, создать атмосферу подозрения и показать всему обществу: любой, кто слишком глубоко вторгается в зону коррупционных интересов и связей власти, может сам стать объектом силовой машины.

В этом смысле дело Шабунина выступает как очередной симптом режима, в котором антикоррупционная повестка допускается лишь до тех пор, пока не затрагивает чувствительные точки влияния. Как только критика приближается к реальному распределению ресурсов и полномочий, в ход идут не аргументы, а инструменты принуждения.

Не менее показательна история, связанная с изданием Kyiv Independent. Human Rights Watch описывает, как украинская оборонная компания оказывала давление на редакцию, требуя отозвать расследование, в котором она фигурировала, и угрожая пожаловаться в Службу безопасности Украины с обвинениями в государственной измене и пособничестве «государству-агрессору». Редакция отказалась подчиниться этим требованиям.

С точки зрения политико-правового анализа это чрезвычайно показательный случай. Он демонстрирует, как в условиях войны риторика национальной безопасности превращается в универсальный дисциплинарный ресурс.

Продолжение. Начало на стр.8

В нормальной демократической среде конфликт вокруг журналистского расследования решается через опровержение, обращение в суд за защитой деловой репутации или публичную дискуссию по фактам. Но когда в качестве аргумента используется угроза обращения в спецслужбу по статье об измене, меняется сама природа публичного пространства.

В такой атмосфере журналист вынужден думать не только о точности материала, но и о том, не будет ли любая критическая публикация истолкована как подрыв обороноспособности или игра на руку врагу. Возникает классический «охлаждающий эффект»: формально запрета нет, но реальные издержки независимой критики становятся столь высокими, что многие предпочитают самоограничение.

Ценность доклада Human Rights Watch здесь в том, что он выводит подобные эпизоды из плоскости «медийных скандалов» в сферу видимой мировому сообществу правозащитной проблематики, как элемент более широкой системы давления, в которой обвинения в нелояльности и почти сакральная ссылка на безопасность превращаются в технологию подавления неудобной информации.

Отдельного внимания заслуживают законодательные инициативы, описанные в докладе. Human Rights Watch указывает на законопроект, внесённый в парламент в сентябре и принятый в первом чтении в ноябре. Этот документ позволяет признавать сведения, опубликованные журналистами-расследователями, недостоверными до тех пор, пока они не подтверждены решением суда. Украинские и международные организации, занимающиеся защитой свободы слова, предупредили, что такой подход открывает путь для стратегических судебных исков, направленных на подавление участия общественности (так называемые иски запугивания), и серьёзно затруднит антикоррупционные расследования и работу средств массовой информации.

На уровне правовой конструкции значение этого законопроекта трудно переоценить. Он изменяет саму структуру рисков в публичной сфере. В центре внимания оказывается уже не обязанность власти быть прозрачной и подотчётной, а уязвимость журналиста, который публикует общественно-

значимые сведения, но заранее оказывается под угрозой судебного наступления.

В устойчивой демократической системе и в мирное время подобная схема уже выглядела бы проблемной. В условиях же военного положения и усиленного политического контроля она становится откровенно опасной. Судебная система, административный ресурс и силовая риторика начинают работать в одном направлении: необязательно запретить каждому критику выражать своё мнение, достаточно сделать саму критику слишком дорогостоящей, изматывающей и рискованной.

Так формируется модель, в которой формальная свобода слова как бы сохраняется, но реальные условия её реализации постепенно размываются. Журналист на бумаге имеет право говорить всё, что не запрещено законом, но любой серьёзный текст может обернуться чередой исков, репутационных атак, обвинений в нелояльности и необходимостью годами защищаться в судах. Это и есть один из ключевых признаков управляемого ограничения свободы выражения мнений.

Ещё одна опасная инициатива, отмеченная в докладе, касается доступа к информации. Речь идёт о законопроекте, который ограничивает доступ к судебным решениям по делам, представляющим значимый общественный интерес, на период действия военно-

го положения и в течение года после его окончания. Несмотря на протесты правозащитных и иных общественных организаций, этот проект оставался на рассмотрении парламента.

Свобода выражения мнений — это не только право опубликовать текст или произнести речь. Она неотделима от права искать, получать и распространять информацию. Когда государство ограничивает доступ к судебным решениям именно по делам общественного интереса, оно фактически сокращает базу, на которой строится общественный контроль.

Без доступа к судебным актам журналисты, юристы, исследователи и активисты лишаются возможности отслеживать тенденции судебной практики, выявлять политически чувствительные дела, анализировать коррупционные схемы, сопоставлять действия правоохранительных органов с итоговыми решениями судов и тем самым показывать обществу разрыв между официальной риторикой и реальным функционированием институтов.

Если рассматривать этот законопроект вместе с давлением на медиа и антикоррупционных активистов, возникает цельная картина: режим Зеленского стремится не просто реагировать на отдельные критические высказывания, а окончательно зачистить инфраструктуру самой критики. Ограничивается не только право говорить, но и возможность общества знать.

ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ СЛОВА

НЕ БРАТЬ ОРУЖИЕ — ЗНАЧИТ СТАТЬ ОБВИНЯЕМЫМ: ПРАВозащитный Взгляд на Украинских Отказников

Когда государство вступает в фазу затяжной войны, одним из первых под удар попадает не только право на безопасность, но и право на совесть. Именно в этот момент становится видно, признаёт ли власть в человеке моральную автономию или рассматривает его исключительно как ресурс, подлежащий учёту, мобилизации и распределению.

Украинская практика последних лет показывает, что в условиях военного режима право на отказ от участия в войне всё заметнее вытесняется из публичной и правовой сферы. Формально свобода совести сохраняется, Конституция продолжает действовать, международные обязательства Украины никто не отменял. Но на практике мужчина, который не хочет воевать по религиозным, этическим или глубоко личным убеждениям, всё чаще сталкивается не с процедурой защиты своего права, а с угрозой уголовного преследования.

Рассматривая реальную возможность защиты своих прав в этом контексте, следует отметить, что здесь особенно важно не подменять анализ пропагандой. Речь идёт не о том, чтобы спорить с правом государства на оборону как таковым. В международном праве государство действительно может защищаться и организовывать мобилизацию. Но даже в этих условиях сохраняется один фундаментальный момент: государство не должно уничтожать свободу совести и не может обращаться с человеком так, будто его жизнь и убеждения полностью принадлежат власти. Именно этот предел в Украине оказывается всё более размытым.

Проблема заключается в том, что официальная украинская риторика постепенно создала крайне опасную морально правовую конструкцию. В ней всякий отказ от участия в войне трактуется не как реализация права, не как драматический личный выбор и не как вопрос совести, а как отклонение от нормы, подозрительная форма нелояльности или почти преступное поведение. Для власти это удобно: если человек, который не хочет воевать,

заранее описан как «уклонист», то вопрос о его правах становится вторичным. Тогда уже не нужно обсуждать, действуют ли международные стандарты, работает ли право на альтернативную службу, допустимо ли принуждать верующего человека к ношению оружия. Достаточно просто объявить, что в стране война, а значит, права совести должны отступить.

Но именно такой подход и является правовой проблемой. Свобода совести имеет смысл только тогда, когда она способна защищать человека в ситуации максимального давления со стороны государства. Если это право прекращает действовать в тот момент, когда государству особенно нужен полный контроль над телом и поведением гражданина, значит, в реальности оно и не признавалось как право. Оно существовало лишь как условная мирная привилегия.

Украинское законодательство формально содержит важную гарантию: Конституция допускает замену военной службы альтернативной, если её исполнение противоречит религиозным убеждениям гражданина. Однако с 2022 года и развёртыванием жёсткой мобилизационной политики эта норма фактически оказалась замороженной. Государство действует так, будто никакой полноценной альтернативы больше не существует. Человек может ссылаться на веру, на пацифистские убеждения, на внутренний моральный запрет убивать, но это не меняет главного: система мобилизации исходит из презумпции, что он должен подчиниться. Если не подчинился — дальше включаются военкомат, полиция, следствие и суд.

Масштабы этого явления подтверждаются статистикой. По данным, которые публиковались в украинских и международных источниках, с начала 2022 года по сентябрь 2025 года в Украине было зарегистрировано свыше 19 тысяч уголовных производств по статье 336 Уголовного кодекса — уклонение от мобилизации. Уже в 2022–2024 годах по этой статье были осуждены более 1700 человек, а в 2025 году число дел продолжало расти. Это означает,

что мы имеем дело не с отдельными эксцессами, а с устойчивой практикой уголовного реагирования на массовое нежелание участвовать в мобилизационной системе.

Важно понимать: в этой статистике смешаны люди с разными мотивами. Не каждый фигурант дела по статье 336 — религиозный отказник или пацифист.

Кто то действует из страха, кто то из недоверия к государству, кто то пытается спасти семью, кто то просто не видит для себя морального основания идти на войну. Но с правозащитной точки зрения это не отменяет главного: государство уже на уровне системной практики использует уголовный закон как инструмент принуждения к военной лояльности. В такой модели право на отказ в принципе перестаёт быть видимым.

Особенно показательна судьба религиозных отказников. Именно на этой группе наиболее очевидно видно, насколько мало украинская система готова терпеть реальную автономию убеждений. По данным открытых источников и правозащитных сообщений, к 2025 году речь шла примерно о двухстах уголовных дел, связанных именно с отказом от мобилизации по религиозным мотивам. На первый взгляд это немного по сравнению с общей массой дел. Но юридически и символически это чрезвычайно важная цифра. Каждое такое дело означает, что государство не просто преследует человека за неисполнение воинской обязанности, а фактически ставит под сомнение саму ценность свободы совести.

Речь идёт не о случайных людях, неожиданно придумавших удобную версию самооправдания. В таких делах часто фигурируют представители религиозных общин, для которых отказ от насилия и ношения оружия является устойчивой частью вероучения. В украинском контексте чаще всего упоминаются свидетели Иеговы, однако проблема намного шире.

Продолжение. Начало на стр. 1

В этой связи воинственные намерения Зеленского приобретают особое значение. Его политическая линия всё меньше выглядит как стратегия сокращения человеческих потерь и всё больше — как курс на длительное продолжение войны при постоянной потребности в новом человеческом ресурсе. В такой логике любой мужчина призывного возраста, находящийся вне Украины, воспринимается как выпавшая из оборота единица, как потенциальный резерв, который желательно вернуть под контроль государства. Отсюда и давление на европейских партнёров, и моральная риторика о «справедливости», и попытка представить пребывание мужчин в Европе как отклонение от нормы, которое должно быть устранено.

Правозащитный анализ требует прямо признать: в этой конструкции человек перестаёт быть целью государственной политики и становится её средством. Его право на жизнь, на свободу совести, на отказ от участия в войне, на поиск убежища и личной безопасности отступает на второй план перед задачей поддержания военной устойчивости режима. Чем дольше продолжается война, тем больше эта логика закрепляется институционально. Мобилизация перестаёт быть исключительной мерой и становится повседневным механизмом управления

обществом, а отъезд из страны начинает восприниматься властью не как попытка спасения, а как потеря необходимого ей материала.

На этом фоне критика украинского руководства уже не может ограничиваться общими рассуждениями о «жёсткой войне» и «трудных решениях». Речь идёт о гораздо более глубокой проблеме: о политической модели, которая объективно заинтересована в том, чтобы война не завершилась слишком быстро и не переходила в режим деэскалации. Пока сохраняется состояние постоянной военной мобилизации, сохраняется и особый режим политического управления: легче требовать лояльности, легче подавлять критику, легче оправдывать ограничения прав и социальных гарантий, легче подчинять жизнь общества логике фронта. В этом смысле украинские мужчины за рубежом становятся неудобным напоминанием о том, что значительная часть населения не готова принимать такую модель как безусловную норму.

Особенно остро эта проблема проявляется на фоне дефицита доверия к самому государству. Для многих украинцев, оказавшихся в Европе, дело не только в страхе фронта. Они не доверяют системе мобилизации, не верят в справедливое распределение рисков, видят, что элиты и связанные с властью группы гораздо лучше защищены от непосредственных последствий вой-

ны, чем обычные люди. Коррупционные скандалы, злоупотребления при распределении ресурсов, неравный доступ к отсрочкам, привилегии для одних и принуждение для других — всё это подрывает легитимность моральных требований, которые власть предъявляет гражданам. В такой ситуации призыв «вернуться и выполнить долг» воспринимается не как голос общего блага, а как требование системы, не готовой жить по тем же правилам, которые она навязывает населению.

Европейские государства в этой конфигурации оказываются перед серьёзным выбором. Если они действительно хотят оставаться пространством защиты прав человека, то должны рассматривать украинцев прежде всего как лиц, нуждающихся в защите, а не как объект внешнеполитического манёвра. Но если приоритет будет отдан союзу с киевским руководством и логике дальнейшего военного давления на Россию, то тогда гуманитарная политика постепенно начнёт подстраиваться под политические сигналы из Киева. Именно в этом и заключается главный риск двойной европейской политики: публично сохранять язык прав человека, но на практике выстраивать режим, который делает пребывание украинцев всё более условным и временным, а их возвращение — всё более желательным для властей.

На практике это может выражаться в самых разных формах: в сокращении социальных выплат, в ужесточении правил проживания, в повышении административной неопределённости, в переходе от логики защиты к логике «подготовки к возвращению». Ни одна из этих мер по отдельности не выглядит как открытое принуждение. Но в совокупности они способны создать среду, в которой человек будет вынужден выбирать между нестабильным, всё более ограниченным существованием в Европе и возвращением в Украину, где его с высокой вероятностью ждёт мобилизация. Тогда «добровольность» такого возвращения оказывается глубоко сомнительной.

Именно поэтому особенно важно не только критиковать саму тенденцию к политическому давлению на украинских мужчин за рубежом, но и ясно объяснять, какими способами они могут защищать себя от произвола.

Продолжение на стр. 12

Продолжение. Начало на стр.1, 11

Принципиальный момент состоит в том, что нахождение в стране Европейского союза в статусе временной защиты уже само по себе означает признание одного ключевого факта: человек оказался вне своей страны не по экономическим причинам, а потому, что возвращение в неё в условиях войны не является безопасным. Европейское право о временной защите исходит именно из этого. Следовательно, никакие публичные заявления украинских политиков о необходимости «вернуть мужчин» сами по себе не создают для человека юридической обязанности уехать обратно. Его положение определяется не пожеланиями Зеленского, а нормами европейского и национального права той страны, где он находится.

Из этого вытекает первый практический вывод: украинские мужчины, не желающие возвращаться, должны максимально легализовать своё положение и не оставаться в «серой зоне». Любая неоформленность статуса повышает уязвимость. Поэтому первоочередная задача — получить или своевременно продлить статус временной защиты, вид на жительство либо иной законный режим пребывания. Нельзя полагаться на слухи, на советы из социальных сетей или на устные обещания посредников. Правовая защита начинается с документально подтверждённого статуса. Чем яснее правовой режим пребывания человека, тем сложнее превратить его в объ-

ект политического давления.

Второй важный элемент защиты — документирование собственных обстоятельств. Если человек не хочет возвращаться в Украину, он должен быть готов объяснить, почему возвращение представляет для него реальную угрозу. Для одних это риск немедленной мобилизации, для других — уже имеющийся опыт службы и психологическая травма, для третьих — религиозные или моральные убеждения, несовместимые с участием в боевых действиях, для четвёртых — семейные обстоятельства, состояние здоровья, уход за детьми или зависимыми родственниками. В миграционной и правозащитной практике абстрактное нежелание возвращаться звучит слабее, чем чётко сформулированная позиция: моё возвращение создаёт конкретный риск нарушения моих прав.

Именно поэтому необходимо собирать и хранить документы, подтверждающие индивидуальную ситуацию: повестки, бумаги, связанные с воинским учётом, медицинские заключения, справки о психическом состоянии, документы о семье, свидетельства о рождении детей, доказательства ухода за родственниками, трудовые договоры и дипломы, подтверждающие степень интеграции в стране пребывания. Если человек относится к отказникам по убеждениям совести, особенно важна последовательная фиксация такой позиции — в письменных заявлениях, обращениях, объяснениях и иных документах.

Третий уровень защиты — юридическая помощь. В большинстве стран Европейского союза существуют неправительственные организации, адвокатские структуры, миграционные центры и правозащитные инициативы, которые сопровождают беженцев и лиц под временной защитой. Именно раннее обращение к юристу позволяет избежать ошибок, которые затем сложно исправить: пропуска сроков, неправильной подачи заявлений, отказа от статуса без понимания последствий, необдуманного перехода в более слабый режим пребывания. Если в конкретной стране начинается пересмотр условий временной защиты, не следует ждать окончательного решения. Необходимо заранее узнавать о возможных альтернативах: трудовых видах на жительство, студенческих статусах, семейных основаниях, гуманитарной защите и других легальных механизмах закрепления.

Принципиально важно и то, что в европейской правовой системе возвращение лиц, получивших защиту, мыслится именно как добровольное, а не как принудительное действие, причём лишь тогда, когда условия в стране происхождения становятся реально безопасными. Следовательно, любые попытки представить ухудшение социальных условий и правовой неопределённости как способ «стимулировать свободный выбор» должны быть подвергнуты критике.

Продолжение на стр. 13

Продолжение. Начало на стр.1, 11, 12

Если человека ставят перед выбором между потерей средств к существованию, жилья, медицинской помощи и возвращением в страну с высокой вероятностью мобилизации, возникает серьёзный вопрос о том, можно ли вообще считать этот выбор свободным.

Отсюда вытекает и четвёртый практический принцип: необходимо фиксировать любые формы давления. Если миграционные органы, социальные службы, работодатели или иные структуры прямо или косвенно принуждают человека отказаться от защиты или согласиться на возвращение, это должно быть задокументировано.

Следует сохранять письма, уведомления, письменные отказы, копии поданных заявлений, требовать официальных ответов. Там, где это допускает закон, важны и записи разговоров, подтверждающие характер давления. В правовой борьбе решающее значение имеет доказуемость.

Пятый аспект связан с правом на обжалование. Если человеку отказано в продлении статуса, в регистрации или в ином виде защиты, это далеко не всегда означает окончательную утрату права на пребывание. В большинстве европейских стран подобные решения могут быть обжалованы — административно и в суде. Именно здесь особенно важна роль адвоката или профильной правозащитной организации. Наличие процедуры обжалования — не техническая деталь, а ключевой барьер против произвола. Очень часто именно на стадии апелляции удаётся доказать, что решение было принято без надлежащей индивидуальной оценки рисков и, следовательно, нарушает базовые права человека.

Для мужчин, опасаящихся мобилизации, важен и ещё один момент: не

следует без необходимости сообщать украинским государственным структурам дополнительные сведения, которые могут быть использованы против самого человека, если это не требуется правом страны пребывания. Вопросы взаимодействия с консульствами, обновления воинских данных и иные чувствительные темы должны решаться только после консультации с юристом. Правовая осторожность в данной ситуации — не форма недобросовестности, а элемент законной самозащиты.

Существенную роль играет и коллективная защита. Один человек гораздо уязвимее перед бюрократическим и политическим давлением, чем группа, способная выносить проблему в публичное пространство. Поэтому важны объединения украинцев за рубежом, правозащитные инициативы, ассоциации отказников по убеждениям совести, независимые медиа, которые могут показывать подобные случаи не как частные «трудности с документами», а как системную про-

блему прав человека. Там, где возникает общественное внимание, властям и миграционным структурам сложнее проводить жёсткие меры кулуарно.

Таким образом, вопрос о положении украинских мужчин в Европе — это не только сюжет о войне, беженцах и союзнических обязательствах. Это тест на то, готова ли Европа защищать человека даже тогда, когда этого не хочет её военный партнёр. Это также вопрос о том, сможет ли правозащитная логика устоять перед давлением политики, в которой интересы государства и воинственные намерения его руководителя начинают подаваться как безусловно более значимые, чем право человека не быть превращённым в материал для продолжения войны.

Если приоритет будет отдан именно правам человека, станет очевидно: ни президент, ни правительство, ни геополитические интересы государства не могут требовать от человека отказаться от защиты ради чужих военных расчётов.

Если же победит противоположная логика, миллионы людей окажутся сведены к функции — к расходному элементу в затяжном конфликте, который уже слишком глубоко проник в саму структуру украинской государственности и в стратегическое мышление части европейских элит. Именно поэтому правозащитное сообщество должно настаивать на одном: право не быть принуждённым к войне не исчезает оттого, что кому то в Киеве и в европейских столицах удобнее мыслить в логике затягивания войны.

Продолжение. Начало на стр.15

Важен принцип: государство демонстрирует, что готово уголовно наказывать человека даже там, где его отказ от войны встроен в цельную систему убеждений, последовательно выражался годами и формально подпадает под конституционную логику альтернативной службы.

Особенно тревожным сигналом стала позиция Верховного суда Украины, который указал, что отказ от мобилизации по религиозным убеждениям не освобождает человека от уголовной ответственности.

В переводе на нормальный правовой язык это означает следующее: суд поставил мобилизационный интерес государства выше права на свободу совести. Государство в таком случае уже не ищет баланс между обороной и убеждениями личности, а просто подчиняет второе первому. Для правового государства это крайне опасный вектор.

Юридическая проблема здесь состоит ещё и в том, что украинская власть стремится представить происходящее как естественную и почти бесспорную норму военного времени. Но в международной правозащитной традиции всё выглядит иначе. Право на отказ от военной службы по убеждениям совести признаётся как производное от свободы мысли, совести и религии. Оно не обязано исчезать только потому, что государство находится в конфликте. Напротив, чем жёстче обстоятельства, тем важнее наличие процедур, позволяющих человеку не быть превращённым в оружие против собственной воли.

Именно в этом смысле современная украинская практика демонстрирует опасное правовое вырождение. Государство не просто проводит мобилизацию. Оно постепенно стирает само различие между гражданином и мобилизационным ресурсом. Если человек годами принадлежал к профессии, запрещающей участие в войне, это не признаётся достаточным. Если он искренне и последовательно утверждает, что убийство противоречит его совести, это не становится основанием для защиты. Если он просит альтернативную форму исполнения обязанности, система в большинстве случаев отвечает не процедурой, а принуждением.

Политический контекст только усиливает репрессивность этой модели. Линия Зеленского строится на длительном поддержании мобилизационного режима как основы военной и внутривнутриполитической устойчивости. Чем дольше война остаётся доминирующим фоном общественной жизни, тем легче оправдывать ограничения прав, контроль, жёсткую риторику и давление на несогласных. Отказник по убеждениям совести в этой логике становится не просто неудобным человеком, а носителем альтернативной морали, которая сама по себе ставит под сомнение воинственную норму государства. Поэтому его необходимо либо сломать, либо изолировать, либо сделать назидательным примером для остальных.

Из этого следует важный юридический вывод: защита отказника должна строиться не на эмоциях, а на заранее продуманной стратегии. Первый ба-

зовый совет — никогда не вступать в коммуникацию с ТЦК, следствием или судом без чётко оформленной позиции. Человек, который понимает, что не хочет воевать по убеждениям, должен как можно раньше зафиксировать свою позицию письменно.

Не когда дело уже возбуждено, не когда он уже находится под давлением, а заранее. Нужны письменные заявления, где последовательно изложены религиозные или этические основания отказа, ссылки на убеждения, историю их формирования, принадлежность к религиозной общине, если она есть. Для юриста важна именно последовательность: чем раньше и чем устойчивее человек заявляет о своей позиции, тем сложнее представить её как ситуативную уловку.

Второй совет — собирать весь возможный массив документов, подтверждающих искренность и устойчивость убеждений. Это могут быть справки или письма от религиозной общины, документы о крещении, участии в богослужебной жизни, характеристика от религиозного служителя, тексты собственных обращений, аудио- и видеоматериалы, если они доступны.

Если отказ носит не религиозный, а этический характер, необходимо зафиксировать и его: дневниковые записи, публикации, письма, обращения, участие в пацифистских инициативах, любые следы того, что позиция человека сформировалась не в момент получения повестки, а существует как часть его мировоззрения.

Продолжение на стр. 15

Продолжение. Начало на стр.10, 14

Третий совет — не подписывать документы без понимания их содержания и без консультации с адвокатом. В украинской практике многие дела строятся на ранних процессуальных ошибках самих граждан. Человек, не разобравшись, подписывает бумагу о получении повестки, пишет объяснение, где формулирует свою позицию не как убеждение, а как бытовое нежелание служить, соглашается на прохождение процедур, последствия которых не осознаёт. С юридической точки зрения каждая такая ошибка затем работает против него. Поэтому важнейшее правило самозащиты — не давать объяснений и не совершать юридически значимых действий без консультации.

Четвёртый совет — фиксировать все нарушения процедуры. Если человека принуждают, удерживают без надлежащих оснований, не допускают к нему адвоката, отказываются принимать заявление об альтернативной службе или о религиозных убеждениях, угрожают, оказывают психологическое давление — всё это должно фиксироваться. Нужны копии заявлений с отметкой о принятии, письменные отказы, свидетельские показания родственников, медицинские документы в случае ухудшения состояния, фото- и видеоматериалы там, где это возможно и безопасно. С точки зрения правозащиты то, что не зафиксировано, слишком легко превращается в «не было доказано».

Пятый совет — не ограничиваться внутренними механизмами. Даже если

дело рассматривается внутри Украины, его необходимо выводить в более широкий правозащитный контекст. Это означает обращения к украинскому омбудсмену, к специализированным правозащитным организациям, к международным структурам, занимающимся свободой религии и совести, к организациям, документирующим нарушения прав человека в условиях войны. Юридическая ценность таких обращений заключается не только в возможной помощи по существу дела, но и в создании внешнего следа: дело перестаёт быть тихо поглощённым системой и становится частью международно видимой проблемы.

Шестой совет касается тех, кто уже находится за пределами Украины. Если человек уехал и опасается преследования за отказ от военной службы по убеждениям совести, его позиция также должна быть оформлена юридически. Нужно легализовать своё пребывание, получить или продлить статус защиты, не оставаться в серой зоне, собирать доказательства своих убеждений и риска преследования в случае возвращения. Важно понимать, что для европейских юристов и миграционных органов решающее значение имеет не только общий факт войны, но и индивидуализированный риск: что именно случится с конкретным человеком, если он вернётся. Если этот риск связан с мобилизацией и невозможностью реализовать право на отказ по убеждениям совести, он должен быть ясно описан и подтверждён.

Седьмой совет — никогда не отдавать свою правовую позицию на откуп

бытовой риторике. Государственная и околосударственная пропаганда стремится перевести тему отказников в язык стыда: «трус», «уклонист», «дезертир», «прикрывается верой». Но юридическая защита требует прямо противоположного. Не нужно спорить с пропагандой на её языке. Нужно возвращать ситуацию в плоскость прав: речь идёт о свободе совести, о недопустимости принуждения к убийству, о праве не быть лишённым моральной автономии только потому, что государство выбрало курс на дальнейшую эскалацию войны.

Наконец, восьмой совет — понимать, что защита отказника не сводится к индивидуальному спасению. Это также вопрос правовой и общественной солидарности. Чем больше подобных дел становятся публичными, чем лучше они документированы, чем активнее в них включаются юристы, правозащитники, религиозные сообщества и независимые медиа, тем труднее государству представлять репрессии против отказников как нормальное и бесспорное продолжение военной политики. Для власти очень важно атомизировать таких людей, сделать так, чтобы каждый чувствовал себя одиночкой и исключением. Правозащитная стратегия должна ломать именно это: показывать, что речь идёт о системной проблеме и о коллективно значимом нарушении.

В конечном счёте сегодня украинский отказник — это не просто человек, который не хочет идти на фронт. Это фигура, в которой сталкиваются две модели государства. Первая исходит из того, что даже в войну человек сохраняет совесть, право на моральный выбор и защиту от принудительного вовлечения в убийство. Вторая исходит из того, что война даёт власти право временно отменить моральную автономию личности и поставить её в полное распоряжение мобилизационной машины. Украинская государственная практика всё заметнее склоняется ко второй модели. Именно поэтому защита отказников — это уже не частная юридическая ниша, а один из ключевых фронтов борьбы за остатки правового государства в стране.

И если сегодня не отстаивать право не стрелять, завтра окажется, что вместе с ним исчезло и само представление о человеке как о существе, имеющем право сказать государству: нет, моя совесть вам не принадлежит.

СОМНИТЕЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО: ЧТО СТАТИСТИКА ЕСПЧ ГОВОРИТ О КРИЗИСЕ ПРАВОСУДИЯ НА УКРАИНЕ

По итогам 2025 года Украина стала лидером среди государств — участников Европейской конвенции по правам человека по числу решений Европейского суда, в которых было установлено хотя бы одно нарушение прав человека. В 164 вынесенных в отношении Украины решениях в 160 случаях Суд констатировал нарушение Конвенции, то есть примерно в 97,5% дел, а каждое пятое общее решение ЕСПЧ за год касалось именно украинских жалоб. Это означает, что Украина оказалась не просто среди стран с большим количеством обращений, а на первом месте по доле решений, подтверждающих ответственность государства за нарушение прав человека. Такая пропорция указывает не на набор отдельных ошибок, а на устойчивую модель несоблюдения базовых гарантий прав человека на национальном уровне.

Структура нарушений показывает, в каких звеньях правовой системы кризис проявляется особенно остро. Главным источником проблем стала статья 6 Конвенции о праве на справедливое судебное разбирательство: в 2025 году ЕСПЧ зафиксировал десятки нарушений этой нормы, значительная часть которых связана с чрезмерной длительностью судебных процессов и другими элементами несправедливого суда. Это отражает хроническую неспособность обеспечить разумные сроки рассмотрения дел и надлежащий уровень процессуальных гарантий для участников процесса.

Сопоставимое значение имеет и статья 13 Конвенции, гарантирующая право на эффективное средство правовой защиты. В большом количестве дел Суд пришел к выводу, что внутренние механизмы — жалобы, апелляции, специальные процедуры — не дают заявителям реальной возможности устранить допущенное нарушение. То есть проблема прав человека проявляется вдвойне: сначала само право нарушается, а затем гражданин не получает внутри страны действенного инструмента его восстановления.

Существенный блок решений касается статьи 5 Конвенции о праве на

свободу и личную неприкосновенность. Здесь речь идет о незаконных или недостаточно обоснованных задержаниях, слабом судебном контроле за лишением свободы, нарушениях сроков и процедурных гарантий. Когда подобные нарушения фиксируются ЕСПЧ систематически, это сигнализирует о глубоких дефектах в работе правоохранительных органов и судов при обращении с людьми, чья свобода ограничивается.

Отдельно стоит выделить нарушения статьи 3 Конвенции, устанавливающей абсолютный запрет пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. ЕСПЧ неоднократно указывал как на сам факт такого обращения, так и на неэффективность расследований соответствующих жалоб. Для международного права это наиболее тяжкая категория нарушений, поскольку по статье 3 не допускается никаких отступлений даже в условиях войны или чрезвычайного положения.

Важно, что проблематика не сводится только к уголовной юстиции и вопросам личной свободы. Нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (защита собственности) и статьи 8 (право на уважение частной и семейной жизни) показывают, что кризис затрагивает имущественную сферу, частную жизнь, семейные отношения. Это делает картину нарушений комплексной и подчеркивает, что речь идет о системных сбоях в различных сегментах правопорядка.

Международные структуры указывают на рост рисков для гражданского населения, усложнение работы судов и правоохранительных органов в условиях конфликта. Однако характер нарушений, фиксируемых ЕСПЧ, демонстрирует, что многие дефекты

— чрезмерная длительность процессов, неэффективность средств защиты, незаконные задержания и бесчеловечное обращение — сформировались задолго до эскалации и носят устойчивый, институциональный характер.

Таким образом, «лидерство» Украины по числу решений с установленными нарушениями прав человека следует понимать как юридический диагноз состояния ее правовой системы, который крайне неудобен для нынешнего киевского руководства. Этот диагноз показывает, что за громкими декларациями о «европейском выборе» и «реформах ради человека» скрывается практика, в которой базовые права граждан систематически нарушаются, а реальные механизмы защиты остаются преимущественно на бумаге. Вместо того чтобы воспринимать статистику ЕСПЧ как сигнал к глубокой самооценке и пересмотру логики управления, власти предпочитают объяснять проблему исключительно войной, внешними обстоятельствами и «информационными атаками», тем самым уходя от ответственности за собственные институциональные провалы. На уровне конкретных решений это означает, что киевский режим год за годом воспроизводит те же самые нарушения — чрезмерную длительность процессов, отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты, произвольные задержания, бесчеловечное обращение, — не предпринимая структурных шагов по изменению практики судов, правоохранительных органов и пенитенциарной системы. Публичная риторика о судебной реформе и «нулевой терпимости к нарушениям» остается во многом ритуальной, тогда как международный суд фиксирует один и тот же круг проблем, затрагивающих тысячи людей. В результате Украина оказывается не просто формальным «лидером» по числу нарушений, но и наглядным примером того, как политический режим, апеллирующий к европейским ценностям, системно не выполняет минимальные стандарты европейского же правопорядка.